

Смертельный эликсир

Молодой ученый Франсуа Тарпи возвращается в родной городок, чтобы работать над созданием эликсира вечной молодости, рецепт которого готов купить богатый парижский предприниматель Дюлок. Втайне от всех ученый проводит жуткие эксперименты. Волей случая он узнает о загадочных жителях деревни Нуайе. Карлики-отшельники, удивительная молодость которых породила суеверные слухи. Кажется, ключ к разгадке в руках Франсуа... Но теперь ученого обвиняют в нелегальной операции и сажают в тюрьму. Люди Дюлока переворачивают вверх дном дом Тарпи, чтобы похитить результаты исследований. А тем временем из подвала этого дома на свет выходит то, что способно уничтожить весь городок. Творение ученого, результат неудачного эксперимента...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЭЛИКСИР

Марион Пьери

**СМЕРТ[☠]ЛЬНЫЙ
ЭЛИКСИР**

Марион Пьери

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЭЛИКСИР

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8265-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Молодой ученый Франсуа Тарпи поворачивается в родное местечко, чтобы поработать над созданием эликсира вечной молодости, рецепт которого готов купить богатый парижский фабрикант Дюлок. Таемно от всех ученый проводит моторошные эксперименты. За волею случая он узнает про загадочных жителей села Нуае. Карлики-вдлудники, дивовижна моложавость яких породила забобонні чутки. Здається, ключ до розгадки в руках Франсуа... Але тепер ученого звинувачують у нелегальній операції й запроторюють до в'язниці. Люди Дюлока обшуковують будинок Тарпі, щоб викрасти результати досліджень. А тим часом із підвалу цього будинку на світ виходить те, що здатне знищити все містечко. Творіння вченого, результат невдалого експерименту...

Пьери М.

Р41 Смертельный эликсир : роман / Марион Пьери.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 368 с.

ISBN 978-617-12-8107-3

Молодой ученый Франсуа Тарпи возвращается в родной городок, чтобы поработать над созданием эликсира вечной молодости, рецепт которого готов купить богатый парижский фабрикант Дюлок. Втайне от всех ученый проводит жуткие эксперименты. Волею случая он узнает о загадочных жителях деревни Нуайе. Карлики-отшельники, удивительная моложавость которых породила суеверные слухи. Кажется, ключ к разгадке в руках Франсуа... Но

теперь ученого обвиняют в нелегальной операции и сажают в тюрьму. Люди Дюлока обыскивают дом Тарпи, чтобы похитить результаты исследований. А тем временем из подвала этого дома на свет выходит то, что способно уничтожить весь городок. Творение ученого, результат неудачного эксперимента...

УДК 821.161.1(477)

© Репина О. Г., 2020

© DepositPhotos.com / Sutichak; belchonock; kvkirillov, обложка, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

1

Мадам Женевьева Лаке открыла окно и глубоко, до покалывания в легких, вдохнула свежий морской воздух. Рядом с домом лениво шевелили своими мощными зелеными ветвями деревья, посаженные еще родителями ее покойного мужа. Было по-утреннему тихо. Лишь птицы нарушали эту тишину. Семья скворцов возилась в своем домике на дереве, стрижи носились в воздухе, издавая узнаваемые свистящие звуки, горлицы гортанно ворковали под окном.

Да, у мадам Женевьевы здесь было чудесно, об этом говорили все, кто приезжал к ней из города. Птицы поют, как в раю. Воздух — не насытишься. Если добавить к этому парное молоко от собственных коров да пышные нормандские омлеты с зеленью «о фин ёрб» по утрам, то становится понятно, почему приезжие так неохотно покидали дом мадам Женевьевы.

Она вообще любит чистоту и порядок. Аккуратность свойственна нормандским женщинам, но мадам Женевьева превзошла всех своих знакомых в радиусе двадцати километров. В соседнем городке Понтабери и на близлежащих виллах о ее педантичности ходили легенды. Например, дорожки в саду и перед домом выкладывали только белыми камнями, которые специальный работник собирал на побережье. Столовые скатерти и постельное белье менялось через день и тщательно стиралось прачкой вручную, так как мадам Женевьева не признавала стирки с помощью машин. Она считала, что так портится чудесное льняное полотно, из которого были сделаны постельные принадлежности, полотенца и скатерти — все это она получила в приданое, выходя замуж за мсье Пьера Лаке. «Такую ткань сейчас уже не делают, — ворчала она, наблюдая за прачкой. — Поэтому, милочка, поосторожней!» Затем все белье сушили на толстых, почти корабельных канатах, на свежем, насыщенном ароматами морском ветру, гладили специальным утюгом и убирали на хранение в комоды. Перекладывалось все это великолепие специальными матерчатыми мешочками с благоухающим травяным сбором, тайну состава которого мадам Женевьева никому не выдавала. Когда это белье извлекали из глубин комода и стелили на пышные старинные перины, гостям не хотелось вставать по утрам, так как все

они испытывали блаженство, проведя ночь в чудной постели. Тот же порядок был и в кухне, и в буфетной, и в столовой, и в подвале, где хранились припасы, и на мансарде среди ненужных вещей, и во всех многочисленных закоулках ее небольшого имения.

Несмотря на свои шестьдесят пять, мадам Женевьева еще очень деятельна. Сегодня, например, она ждет своего любимого племянника Франсуа, сына покойной сестры Анетты, поэтому с раннего утра хлопочет по дому.

Служанка, молоденькая Дениз, дочка ее бывшей горничной, что-то запаздывает, хотя мадам Женевьева не любит необязательности и неаккуратности своей прислуги. У нее не так много средств, чтобы после смерти мужа, таможенного служащего, позволить себе платить нерадивым домашним помощникам. Поэтому приходится экономить, многое делать самой, а эти служанки нынче совсем не те, что раньше. Меньше, чем за пятьдесят франков в месяц, не соизволят что-то сделать без напоминания.

А силы уходят. Если не присматривать за домом и садом, все придет в запустение, но мадам Женевьева не сдастся. Многое ей пришлось перенести за свою жизнь, поэтому спокойная старость с хорошей пенсией, которую получает за умершего мужа, — не самое плохое время в ее жизни.

Она цепким хозяйским взором осмотрела комнату, приготовленную для племянника. Франсуа не привередлив, да и средства ее не позволяют делать в комнате ремонт к его приезду. Но ударить в грязь лицом мадам Женевьева не может, поэтому в комнате она навела блеск. Белые с шитьем крахмальные занавески на окнах — все еще те, из ее приданого; старый, но удобный диван, обитый черной клеенкой. Обивка на нем, правда, кое-где протерлась, но вида комнаты он не портит. Наоборот, как на вкус мадам Женевьевы, он придает комнате удивительно уютный и домашний вид. Особенно если прикрыть его этим самодельным пледом в стиле лоскутного шитья. Удивительно, что мадам Женевьева помнит все свои платья и костюмы, из которых нарезались квадраты для изготовления этого пледа. Например, вот в этом сером кашемировом костюме она блеснула на морской прогулке в честь повышения мужа много лет назад. И мадам Женевьева с нежностью провела своей загрубевшей от работы и старости рукой по довольно большому куску серой ткани.

Итак, к встрече Франсуа все готово. Надо только испечь его любимый пирог с сардинами и подать графин кальвадоса — местной крепкой яблочной водки. В Нормандии всегда обожали сытно поесть — нормандцы веселый и трудолюбивый народ, не признающий никаких диет. Веселиться так веселиться, а обедать так обедать! Застолья здесь всегда сытные и обильные. Хозяйка считается неважной, если гость не увидит у нее на столе знаменитого рыбного супа, который приправляют орехами и запивают кальвадосом. Выдумывать здесь не любят, предпочитая простые рецепты, но мадам Женевьева уже предвкушала, как будет баловать своего любимого племянника жарким из утки «канар а ля руанезе», маленькими аппетитными колбасками «андуй», улитками в вине, ароматными омлетами и знаменитыми бисквитами, внешне очень похожими на морскую гальку. «Обязательно будем обедать по старинке, дважды, — подумала мадам Женевьева. — Перед первым обедом не торопясь выпьем по рюмочке кальвадоса на террасе, а в перерыве между трапезами или, как это называют в здешних местах, в “тру норманн” — “дыре”, племянник будет развлекать меня рассказами о Париже и своих ученых друзьях!»

Мадам Женевьева очень гордилась тем, что они с мужем помогли Франсуа получить высшее медицинское образование, хоть его обучение в Сорбонне и стоило им немалых денег. Все это было сделано в память о младшей сестре, соблазненной приезжим военным-ловеласом и умершей при родах. В наследство семье Лаке достался маленький орущий комочек, которого сейчас зовут мсье Франсуа Тарпи, и вместе с ним — небольшая рента с банковского вклада умершей сестры.

К чести мадам Женевьевы и ее мужа, деньги сестры остались в целости и сохранности, хотя их семья переживала и нелегкие времена. Снимались только проценты, и то иногда, сам вклад был неприкасаемым. Это были деньги Франсуа, и это не обсуждалось. «Мало ли на что могут понадобиться деньги мальчику!» — говорила мужу мадам Женевьева.

С улицы раздался звонкий смех Дениз.

«Вот гадкая девчонка! — подумала мадам Женевьева. — Я с утра как белка в колесе, а она флиртует с кем-то!»

И она поспешила вниз по лестнице, насколько могли позволить ее больные ноги.

Действительно, мадам Лаке не ошиблась. На крыльце дома стояла хорошенькая, крепенькая девушка в аккуратном синем платье, пышном белом переднике, подвязанном немного выше талии, и в старомодных черных туфлях на босу ногу.

Рядом, присев на раму велосипеда, расположился молодой человек, одетый по-рабочему, в толстый вязаный свитер и старые брюки, заправленные в высокие рыбацкие сапоги. На голове его, покрывая пышные вьющиеся волосы, красовалась выдавшая виды кепка. Увидев мадам Женевьеву, он улыбнулся.

— Доброе утро, мадам, — вежливо сказал он и снял кепку. — Какое чудесное утро, не правда ли?

— Правда, утро чудесное, Шарль, — ответила сердито мадам Женевьева.

Она повернулась лицом к Дениз и, скривив губы в недовольной гримасе, спросила:

— А вы, милочка, когда собираетесь приступить к выполнению своих обязанностей? Я жду вас уже несколько часов и самостоятельно навожу порядок в доме. Хотя, насколько я помню, это должны делать вы. И за это вы получаете деньги, которые, видит Бог, достаются мне нелегко!

Дениз в ответ скорчила милую гримаску и, не говоря ни слова, пошла в дом. Напоследок она оглянулась, послав Шарлю искрометный и красноречивый взгляд озорных карих глаз, который мадам Женевьева, ввиду своего возраста и нерасторопности, конечно же, не заметила.

— Как поживаешь, Шарль? — спросила мадам Женевьева у молодого человека, потому что необходимо было что-нибудь спросить. На этот случай у нее в запасе всегда была пара-тройка общепринятых вопросов, выражавших если не явный, то хотя бы формальный интерес к собеседнику.

— Нормально, — хитро щурясь, ответил Шарль, как видно, все понимавший. — Если бы еще и рыба ловилась! Что-то позабыли наши рыбаки о хорошем улове.

Мадам Женевьева подняла к небу свои выцветшие, когда-то голубые глаза и пожевала губами.

— Зря ты пошел в рыбаки, — после нескольких секунд молчания изрекла она. — Говорила я тебе, непутевому: нечего менять коней на перепутье. Выучился писарскому делу, вот и занимайся этим всю жизнь, как мой муж, как твой отец. А ты скачешь, как молодой воробей. То да се, а на кусок хлеба с маслом не можешь заработать. Вот брюки на тебе грязные, кепка мятая и свитер залатанный. Что хорошего?

— А что плохого? — засмеялся в ответ Шарль. — Я, мадам, не вижу трагедии в том, что человек себя ищет. Ведь это свойственно каждому — искать себя и свое предназначение. Ну, поработал я писцом в таможне при вашем муже. Хороший был человек, пусть земля ему будет пухом. И относился ко мне по-доброму, а все равно не нравилось мне у него работать. Сиди целый день, да знай, скрипя пером, бумаги переписывай. Работа скучная, оплачивается плохо.

— Зато стабильно, — вставила мадам Женевьева.

— Стабильно, — согласно кивнул Шарль. — Да все равно мне на жизнь не хватало. Сейчас я сам себе хозяин. Хочу — выйду в море, не хочу — лодку чиню или в трактире, у мсье Жана, вино пью. Я вольный житель Вандеи. А в таможенной конторе я целыми днями только и делал, что бумажную пыль глотал. Да я чуть в канцелярскую крысу не превратился!

Тут он прикусил язык и искоса взглянул на мадам Женевьеву, ведь в городке ее покойного мужа за глаза называли именно так — «канцелярская крыса».

Но Шарль зря опасался. Мадам Женевьева совсем его не слушала, ее мысли были где-то очень далеко.

— Ну, так я поехал, — сказал Шарль, садясь на велосипед и оглядываясь на свою собеседницу, застывшую на крыльце.

Он оттолкнулся ногой от земли и бодро закрутил педали.

Только тут мадам Женевьева, думавшая о своем племяннике, который был почти одного возраста с Шарлем, заметила, что тот уезжает.

— Шарль, а как твоя матушка? Выздоровливает? — слабо прокричала она ему вслед.

Шарль что-то крикнул в ответ, но так как он отъехал уже довольно далеко, а мадам Женевьева была глуховата, она ничего не разобрала, но подумала, что, если бы мадам Орсэ чувствовала себя хуже, ей об

этом сразу же донесла бы прачка, которая доводилась крестной Шарлю.

— Передавайте ей привет! — снова слабым голосом прокричала мадам Женевьева.

Шарль снял кепку и покрутил ею в воздухе, давая понять, что услышал пожелание мадам Женевьевы.

Она, вздыхая, медленно пошла к дому. Мадам Женевьева расстраивалась потому, что болезни ее годоводок, каковой была и мать Шарля Орсе, напоминали ей о ее возрасте и все усугублявшейся немощи.

Вот, например, до сего дня она не держала кухарку. Но, видимо, придется-таки нанять еще одного работника в дом, потому что с приездом Франсуа работы прибавится. А по сегодняшним хлопотам и затраченной на это энергии она поняла, что ей без помощницы не справиться с возросшим количеством дел в кухне.

Как быстро прошла жизнь! Только недавно она и ее подруги по школе в белых передниках бегали причащаться к отцам-иезуитам. А после этого, радостные и нарядные, они гурьбой возвращались в городок, строя глазки проезжавшим в тележках парням. И вот уже ничего, кроме болезней и одиночества, не осталось. А ведь она так хотела выучиться ездить на велосипеде, скакать на лошади в дамском седле (ах, как это романтично!) и летать на аэроплане! А вместо этого на протяжении двадцати лет исполняла роль хорошей хозяйки и преданной, верной жены таможенного чиновника — «канцелярской крысы», как неосторожно выразился сегодня Шарль. Он думал, что мадам Женевьева не заметила его оплошности. Но нет, он ошибся. Ей не нравилось, как называли ее мужа в городке, но сделать ничего уже было нельзя. Крепче всего прилипают к людям прозвища, которые дает народ, и вытравить это из памяти обывателей невозможно. Поэтому лучше не понимать намеков, прикидываясь глуховатой, как она и делала.

Мадам Женевьева опять вздохнула, но теперь уже по поводу новых трат на кухарку, и принялась перебирать в уме подходящие кандидатуры на эту должность. Надо будет оповестить всех знакомых, что ей необходима опытная и недорогая кухарка, которая хорошо умеет готовить местные блюда, ведь они сытны и не так дороги, как те, что готовят парижане. Конечно, Франсуа привык у себя обедать по-

другому, но зато мадам Женевьева постарается познакомить его с кулинарными изысками его родной Нормандии. И она принялась в уме перечислять все интересные, на ее взгляд, блюда, которые бы понравились ее племяннику. Их получилось немало. Даже если Франсуа останется надолго, в чем мадам Женевьева сильно сомневалась, поскольку знала, что племянник предпочитает столицу, то она не ударит в грязь лицом перед своим единственным и любимым родственником.

Мадам Женевьева автоматически протирала до блеска начищенные посеребренные подносы и подстаканники, стоявшие в старинном буфете, и продолжала думать о кандидатуре приличной кухарки.

Итак, прежде всего о подыскиваемой кухарке должна узнать хозяйка мясной лавки мадам Эмма Додар и крестная ее дорогого племянника мадам Соваж. Обе уже несколько лет были как бы связующим звеном для мадам Женевьевы. Она мало передвигалась по городку и предпочитала проводить время в своем доме. К ним можно было присовокупить и прачку, приходившую два раза в неделю и приносящую новости из городка, и владельца небольшого трактира, в котором собирались небогатые рыбаки. Он дружил с покойным Пьером Лаке и вместе со своей женой не реже двух раз в месяц навещал одинокую вдову. Этими людьми круг общения мадам Женевьевы и ограничивался. Служанка Дениз не в счет. Она взбалмошная и глупая девица, даже не окончила начальную муниципальную школу и понятия не имела о хороших манерах! Что она может рассказать мадам Женевьеве? О своих наивных мечтах о богатом женихе? Да кто из богатых на нее позарится? Сейчас хотят видеть рядом женщин домовитых и образованных, а не сельских финтифлюшек. Если бы не просьбы бывшей горничной, матери Дениз, мадам Женевьева никогда бы не держала в доме эту, с позволения сказать, «жужелицу». Нет, не выйдет толку из Дениз.

В этот момент своих тяжких раздумий мадам Женевьева вдруг подпрыгнула, как будто ее ударило током. Боже, разве можно оставлять Дениз в доме, раз приезжает племянник? Допускать ее в дом, где будет жить молодой, красивый, неженатый мужчина — значит не желать себе добра! Может, воспользоваться случаем и отказать ей от места? Это надо срочно обдумать и обсудить с Эммой Додар, хозяйкой лавки, где Дениз два раза в неделю закупает продукты. Естественно, Эмма,

как женщина практичная и наблюдательная, составила мнение об этой девушке.

Мадам Женевьева подумала, что сегодняшнее посещение мясной лавки — обязательная часть плана. Во-первых, нужно посплетничать, ведь Эмма лучше всех знает жителей городка, знает, кто чем дышит и что из себя представляет и по моральным качествам, и по толщине кошелька. Во-вторых, сама лавка, или шаркьютери, — это место, без которого не может обойтись ни одна хозяйка. Лавка расположена очень удобно, в центре Понтабери, на пересечении улиц, по которым гуляющие спускаются к морю, ходят в церковь и на базар. В-третьих, ее владелица, мадам Додар, была любимой ученицей покойной сестры мадам Женевьевы. Именно в ее семье, на вечеринке, куда пригласили молоденькую и хорошенькую учительницу, сестра Анетта и познакомилась со своим соблазнителем, который потом стал ее мужем. История эта много лет назад наделала шуму в их маленьком городке. Сестра умерла, а мадам Женевьева почти тридцать лет воспитывает своего племянника Франсуа, никогда не знавшего ни отца, ни матери. А владелица мясной лавки, мадам Додар, всю жизнь делает небольшую скидку для семьи Лаке. Мадам Женевьева всегда казалось, что хозяйка лавки как будто чувствует вину за обузу в лице племянника, которая свалилась на членов семейства Лаке по причине ее, мадам Додар, существования.

Итак, решено. Сегодня за покупками она пойдет сама. Конечно, Дениз это не понравится, так как этот шаг хозяйки лишит ее очередной возможности пофлиртовать с парнями возле трактира на площади и полакомиться лимонадом в лавке.

Мадам Женевьева начала спускаться по лестнице в подвал, чтобы проверить припасы. Спуск был довольно крут, поэтому она крепко держалась за перила. Включив свет, мадам Женевьева отыскала нужный ключ на связке, вставила его в замочную скважину и с трудом повернула. Замок щелкнул, тяжелая дверь с трудом поддавалась, но открылась. «Вот что значит отсутствие в доме мужчины!» — подумала мадам Женевьева. Был бы жив муж или хотя бы Франсуа чаще навещался и интересовался хозяйством, разве толкала бы она немощным плечом эту растреклятую заедающую дверь?

Мадам Женевьева зашла в кладовую и не двигалась секунд двадцать, пока ее слабые глаза не привыкли к тусклому свету лампочки под

потолком. В кладовой, как и везде в доме, был образцовый порядок. Стены побелены, по углам нет и намек на паутину, деревянные полки протерты от пыли, а железные выкрашены желтой краской и застелены чистой бумагой. Количество заготовок на этих полках производило неизгладимое впечатление на всех, кто попадал в кладовую. Соленья и варенья стояли строем в стеклянных банках, украшенных этикетками, на которых месяц изготовления и название продукта были написаны каллиграфическим почерком. Тушеная свинина и колбасы, залитые толстым слоем жира, покоились в железных банках. Утиные и куриные яйца были аккуратно сложены в специальные керамические емкости, застеленные выбеленным холстом. Мешки муки и сахара стояли под стеной. Аккуратно сплетенные косы золотистого лука были подвешены к одной из балок. Кочаны капусты и морковь были разложены по нарядным плетеным корзинкам, которые мадам Женевьева сама выбирала на ярмарке, где местные крестьяне-умельцы продавали свой товар. Сейчас не сезон, но осенью кладовая пополнялась яблоками, окороками, копчеными тушками гусей, бутылками с кальвадосом и первоклассным вином. Без полного рта слюны в такую пору никто и никогда у мадам Женевьевы из этого хранилища кулинарных наслаждений не выходил. Однако слюной во рту вы могли при визите к ней и ограничиться, ибо мадам была на редкость бережлива и незваного гостя, как правило, к столу не приглашала.

Так случилось, когда перегорела электрическая проводка и нужно было произвести мелкий ремонт. Дениз вызвала местного электрика, который долго еще вспоминал скупость старой Лаке, не угостившей его даже рюмочкой кальвадоса, бутылки которого громоздились в кладовой. И не отрезавшей ломтика буженины — а ведь балки прогибались под тяжестью окороков!

Но сегодня у мадам Женевьевы не было ни свежего мяса, ни птицы. Ледник был пуст, поэтому целью похода в шаркьютери было приобретение мясных продуктов. Может, у Эммы сегодня в продаже свежие телячьи почки или мозги? Это было бы великолепно — приготовить жареные телячьи мозги с зеленым горошком и молодым картофелем, ведь Франсуа так любит полакомиться этим деликатесом! Надо спешить, чтобы успеть до прихода основной массы покупателей.

Мадам Женевьева закрыла дверь, которая в этот раз как будто поняла, что с ней некогда возиться, и не заартачилась. Старушка стала подниматься по лестнице, как вдруг в проеме двери, ведущей во двор, показалась мужская фигура. Мадам Женевьева была подслеповата и, увидев незнакомый силуэт, разволновалась.

— Кто это? Это ты, Шарль? — Она подумала, что это рыбак Шарль Орсе вернулся, чтобы выпросить у нее выходной для Дениз в честь приезда племянника и повести служанку на танцульки.

— Нет, тетушка, это не Шарль, это я, ваш племянник Франсуа Тарпи! — вдруг раздался веселый насмешливый голос, и прямо к ней огромными скачками, несмотря на крутую лестницу, сбежал сам Франсуа, ее любимый Франсуа, которого она не видела почти год.

— Милая тетя Женевьева, здравствуйте! — пылко проговорил он, и, прижав мадам Женевьеву к себе, поймал ее руку и крепко поцеловал. — Я целый год мечтал, как приеду к вам, буду жить и работать в свое удовольствие, поедая ваши знаменитые пироги и лепешки!

— Франсуа, дорогой Франсуа! — лепетала мадам Женевьева, сдерживая слезы. — Я не ждала тебя так рано, в доме нет даже мяса! Хотела идти к Эмме за покупками. На чем же ты приехал? Поезд ведь прибывает только в полдень.

— Дорогая тетушка, давайте сперва выберемся отсюда, ведь на лестнице вам неудобно обнимать меня! — со смехом отвечал Франсуа, поддерживая мадам Женевьеву под руку и осторожно выводя ее на свет.

— Вот теперь хорошо, милый племянник, теперь я могу, не боясь упасть с лестницы, поцеловать твое дорогое лицо, погладить твои непослушные кудри! — Мадам Женевьева с нежностью прижалась к груди Франсуа Тарпи. — Хороший мой мальчик, как я скучала по тебе! Почему ты так редко писал, почему не приезжал? Если бы ты знал, как твоей тетушке одиноко в таком большом доме! Как одиноко!

Она подняла на племянника полные слез глаза. Ей не хотелось показывать свою слабость, но немощь и меланхолия, которые прокрадываются в тело и душу человека в конце жизни, делают свое дело. И если при посторонних мадам Женевьева все еще была прежней хозяйкой, то при любимом племяннике, которого она давно не видела

и которого, по правде говоря, почти обожествляла, она не выдержала и всхлипнула.

— Тетушка, не надо плакать, прошу вас, — нежно говорил Франсуа, продолжая обнимать свою престарелую родственницу. — Я же приехал и не собираюсь покидать вас в течение многих месяцев! Я вам клянусь, я не уеду до Рождества! И мы отпразднуем его, как в старые добрые времена!

Мадам Женевьева с надеждой посмотрела на него:

— Это правда, Франсуа? Ты не покинешь старую больную тетю, которая была тебе вместо матери? Ты останешься, скрасишь ее старость?

И она еще сильнее заплакала. Франсуа вытирал слезы, текущие по морщинистым пергаментным щекам старой женщины и ругал себя за то, что стал забывать, сколько заботы и ласки получил в этом доме.

— Дорогая тетюшка, — сказал он, — не думайте, что ваш племянник беспамятная скотина и не понимает, чем вы пожертвовали ради него. Поверьте, я благодарен вам за заботу и ласку, за то, что вы воспитали и выучили меня, что сохранили для меня деньги матери, что я знаю, как пахнет праздник в родном доме. Этого не забывают. Да, я зрелый мужчина, у меня своя жизнь, но и для вас там оставлено место. Когда я говорю «дом», я имею в виду вас и покойного дядю Пьера. Это для меня так же свято, как и первое причастие.

— Мальчик мой, Франсуа, — вытирая чистейшим платком слезы, прошептала мадам Женевьева, — твои слова как бальзам на душу для старой, одинокой и больной женщины. Ты должен знать, что, кроме тебя, у меня нет никого на свете. Все мои родственники умерли. Почти все родственники Пьера тоже. А кто остался, тех и родственниками уже назвать трудно, настолько они от меня отделились. Поэтому все, что мы с дядей нажили в течение жизни, останется тебе. А это немало, поверь. Если добавить твои деньги, то можно поселиться в этом городке и жить безбедно. Ты ни в чем не будешь нуждаться, можешь даже позволить себе небольшие излишества, например, объездить весь мир. Ты так об этом мечтал, когда был маленьким! Помнишь наши путешествия с помощью глобуса? Ты хотел увидеть Анды и Новую Зеландию. Можно даже купить автомобиль! Для мужчины это необходимо, к тому же он служит ловушкой для молодых и богатых

невест. Женим тебя, Франсуа, пойдут детки. Я так хочу покачать малыша и покормить его из молочного рожка!

— Дорогая тетушка, — расчувствовался Франсуа, — я сам сейчас расплачусь!

В это время мадам Женевьева случайно оглянулась и увидела, что служанка Дениз стоит рядом с ними и, демонстрируя свою бестактность, слушает их доверительный разговор. Это разозлило мадам Женевьеву, она тут же перестала плакать и повела словесную атаку на служанку.

— Что ты здесь делаешь, Дениз? — прокричала она, раздражаясь и от этого еще больше, чем обычно, трясая головой. — Что за дурная манера — стоять рядом с хозяевами и подслушивать! Иди и разбери чемоданы мсье! И не вздумай что-то неаккуратно сложить в шкафу и комод! Я проверю, и если обнаружу, что ты не выполнила моего приказа, рассчитаю тебя в ту же минуту!

Дениз скривила личико и повернулась, намереваясь уйти, но, оглянувшись, поймала веселый взгляд Франсуа, подмигнула ему, а затем, виляя бедрами, танцующей походкой направилась к двери дома.

Франсуа хмыкнул.

— Аппетитная фигурка! — сказал он. — У тебя, тетушка, всегда были служанки в возрасте, а сейчас ты изменила своим принципам «не дразнить гусей»?

Мадам Женевьева возмущенно ответила:

— Ты знаешь, милый Франсуа, эта девица — моя постоянная головная боль. Один только флирт в голове! Работница она дрянная, к тому же неряха. Все утро решала, что с ней делать, хотела посоветоваться с Эммой, но, видно, придется ее рассчитать без всякой жалости.

— А откуда она взялась? — спросил, улыбаясь, Франсуа. Он вспомнил озорные глаза Дениз и ее короткую юбочку, открывавшую стройные девичьи голени.

— Это плохой признак, милый племянник, что ты так ею заинтересовался, — строго произнесла мадам Женевьева. — Но я отвечу на твой вопрос. Это дочка моей прежней горничной, Альбертины.

— Альбертины? — с удивлением переспросил Франсуа. — Я отлично помню ее.

— Да, Альбертины, — подтвердила мадам Женевьева. — Она служила мне двадцать пять лет, и ни разу я не сделала ей ни одного замечания. К тому же она выполняла обязанности и горничной, и кухарки. Работы у нас было немного, я ведь была молода и тоже много чего успевала сделать по дому. Сейчас Альбертине не на что жить после смерти мужа-рыбака. Мне она тоже не нужна с ее подагрой, так как теперь работница она никудашная. Поэтому вот уже полгода я по ее просьбе пользуюсь сомнительными услугами ее дочери, которая пошла в отца — такая же непутевая. Жалованье этой девицы я отдаю Альбертине в руки, потому что эта ветреница Дениз ни одного су, не то что франка, до дома не донесет. Все соседи удивляются, что я ее терплю. Но прошу тебя, давай закончим разговор об этой профурсетке. Эта не та тема, которая может быть для меня интересна, да и я окончательно решила уволить ее.

— А как же Альбертина? — спросил удивленный Франсуа. — На что она будет жить? Вряд ли эта девица будет заботиться о матери, не тот у нее вид. Может, назначить Альбертине ренту в несколько сот франков в год?

Мадам Женевьева возмущенно взглянула на племянника.

— Дорогой Франсуа, — жестко начала она, — если бы я заботилась обо всех престарелых и больных слугах из нашего дома, то, поверь мне, ты бы не учился в Сорбонне! Каждый кует свою жизнь в своей кузнице и своим молотом! Так говорил твой дед мне и твоей покойной матери, когда ловил нас, молоденьких девушек, на бесполезных тратах. А теперь пойдем в дом. Ты, наверно, устал с дороги и проголодался. Если потерпишь минут десять, я угощу тебя таким омлетом с зеленью и такими булочками с кофе, что ты сразу забудешь и свой Париж, и мою бестолковую служанку, на которую явно положил глаз! Можешь даже посидеть со мной в кухне, чтобы мне не было скучно, ведь я дорожу каждой минутой, проведенной с тобой.

— Милая тетушка, — смеясь, отвечал Франсуа, — от тебя ничего не скроешь! Конечно же я посижу с тобой, пока ты будешь готовить мне еду. Я так люблю завтракать в нашей кухне!

— В нашей! Как бальзам на душу! — улыбнулась мадам Женевьева. — Поверишь, Франсуа, я всегда холила и лелеяла весь дом,

но больше всего люблю кухню. В ней так уютно!

— Может быть, это потому, что вы провели в ней так много времени? — спросил Франсуа. — Дядюшка был не дурак покушать. Я помню, как вы готовили рождественские ужины и праздничные обеды на дни рождения. Эти столы, ломящиеся от всевозможной снеди, нельзя забыть, поверьте. Несколько раз мне даже снились ваши рождественские разносолы, и я чувствовал вкус копченой гусиной ножки. Просыпался и, пугая кухарку, рылся в потемках в буфете, чтобы что-то перехватить. А то бы от бурных гастрономических переживаний не заснул.

Мадам Женевьева улыбнулась и даже сощурила глаза от удовольствия, так ей понравились слова племянника. В конце концов, она всю свою жизнь не только заботилась о своих мужчинах, но и старалась вкусно их кормить.

Они, обнявшись, зашли в дом, и Франсуа в который раз поразили чистота и порядок во всех комнатах. Да, вся мебель старая и ничего новомодного найти в этом доме нельзя, но... как уютно здесь, как по-семейному!

— Я восхищаюсь, тетушка, вашим умением вести дом, — сказал он. — Вот вы упомянули о женитьбе. Вы думаете, наверно, что я не хочу найти подходящую девушку и создать с ней нормальную семью — с детьми и всем прочим. Вы глубоко ошибаетесь, если действительно так думаете. Все мои поиски, я имею в виду поиски девушки, отвечающей моим представлениям о семье и семейной жизни, разбиваются вдребезги, как волны в шторм о наш нормандский берег. Я не смог найти такую девушку. Хотя вы знаете, что упрекнуть меня в капризности или особой требовательности нельзя.

— Дорогой Франсуа, — отозвалась мадам Женевьева, — подобные разговоры я постоянно слышу из уст еще одного человека. Я думаю, что вам стоит познакомиться, но это мы оставим на потом. А сейчас — завтрак, о котором можно только мечтать.

Она завела Франсуа в кухню, которую тот помнил столько же, сколько помнил себя. Здесь также ничего не изменилось, только кастрюли и сковороды блестели еще больше, ведь в них стали меньше готовить, а чистили с той же тщательностью. Кухня по нормандским меркам была очень большой и занимала почти половину этажа. На самом деле это было помещение между первым жилым этажом

и подвалом. Потолок в кухне был низкий, выбеленный, на его фоне резко выделялись деревянные балки, потемневшие от времени и испарений. Небольшие окошки были уставлены горшками с геранью и другими растениями, которые, как считала мадам Женевьева, отпугивают насекомых и очищают воздух в кухне. Столы, стоявшие по периметру, были заняты различными кухонными приспособлениями, о предназначении которых Франсуа мог только догадываться. Хотя однажды он, будучи маленьким мальчиком, подсмотрел, как готовили колбасу, заполняя фаршем кишки с помощью какой-то странной машинки. Сейчас он узнал эту машинку, истертую, но вычищенную до блеска.

— Тетушка, а это машинка для начинки колбас? — спросил он, крутанув какой-то рычажок на ней.

— Да, это еще прадедушкина, — ответила мадам Женевьева. — Здесь много редких вещей. Но не только здесь. Наша мебель куплена во времена восстания в Вандее. Это было больше века назад, как ты помнишь. Сейчас за эту мебель дадут приличную сумму, если предложить ее антикварам.

Она надела фартук и поставила огромную сковороду на горячую плиту, которую заранее растопили, поскольку ожидали дорогого гостя. Отрезав приличный кусок сливочного масла, мадам Лаке положила его на сковороду и начала быстро взбивать венчиком пять яиц в фарфоровой миске.

— Порежь-ка зелень, дорогой Франсуа, — сказала она, пододвигая нож и доску к сидевшему за огромным столом в центре кухни племяннику. — Видишь, постарела, уже не успеваю там, где раньше посторонняя помощь была не нужна. Хочу взять кухарку в дом, об этом тоже хотела переговорить с Эммой.

В пышный омлет, поднявшийся в сковороде на высоту трех пальцев, мадам Женевьева добавила зелень и кусочек топленого масла. Затем поставила на стол несколько фаянсовых тарелок, молочник, хлеб, высокую розетку с мелко рубленной копченой сельдью, пышные лепешки, политые маслом и медом.

— Садись, милый Франсуа, — сказала она, вытирая руки о белоснежное полотенце, — все готово. Позавтракай, как в старые добрые времена.

Франсуа придвинул к себе тарелку, в которой горой дымился прекрасно поджаренный омлет ярко-желтого цвета, призывно зеленевший мелкими островками петрушки, укропа и еще какой-то неизвестной ему травки.

— Тетушка, тетюшка... — меланхолично произнес Франсуа, возведя глаза к прокопченным балкам потолка. — Сказать, что вы кудесница, — значит не сказать ничего.

Он наклонился и поцеловал тетке руку.

— Мерси, мой ангел, жаль, что твоя мать не с нами, но я надеюсь, что на небесах она видит, как нам хорошо с тобой...

И мадам Женевьева краешком фартука, совсем по-крестьянски, вытерла уголки глаз, в которых выступили слезы.

Ее племянник принялся за прекрасный завтрак, который, как он полагал, будет ждать его каждое утро, пока он живет в родном доме.

Тем временем мадам Женевьева сварила кофе в небольшой изящной турке из красной меди. Затем она поставила перед племянником блюдце и фарфоровую чашечку с нарисованными лиловыми нимфами, которую наполнила густой, благоухающей, ароматной темно-коричневой жидкостью.

— Кстати, Франсуа, — сказала она, наблюдая за тем, как племянник поглощает ее стряпню, — ты не сказал мне, чем будешь здесь заниматься. Или ты решил бросить свои научные занятия?

Она с тревогой посмотрела на молчавшего племянника. Он же делал вид, что смакует кофе, и оттягивал ответ. Через несколько минут молчания Франсуа достал сигарету, прикурил и сделал первую затяжку. После этого он наконец, прокашлявшись, собрался с духом и заговорил.

— Дорогая тетя Женевьева! — торжественно начал он. — Я, Франсуа Тарпи, магистр медицины и биологии, приват-доцент университета Сорбонна, наконец-то стал богатым человеком. И не просто богатым, а очень богатым. Но не благодаря тем деньгам, которые вы оставили мне, а благодаря собственному труду и своей голове.

— Как это, Франсуа? — подавшись вперед и слегка выпучив глаза, которые и так были выпуклыми из-за базедовой болезни, вскрикнула мадам Женевьева. — Ты выиграл на скачках, на бирже?

Тетушка была так комична в своем аффекте, что Франсуа рассмеялся.

— Нет, нет, милая тетушка! — он улыбнулся. — Я заработал кучу денег своей головой, сделав открытие в науке. Но, к сожалению, об этом еще никто не знает, кроме человека, обещавшего мне заплатить, если я за полгода завершу исследования и представлю ему результаты, которыми он сможет воспользоваться в своем бизнесе, на фабрике.

— А... так денег еще нет... — разочарованно протянула мадам Женевьева.

— Да, деньги только в перспективе, но до них всего лишь отрезок пути в полгода длиной.

И он мечтательно потянулся, привстав со стула, да так, что хрустнули суставы кистей и колен.

— Прощу тебя, Франсуа, ты же знаешь, что я не выношу, когда трещат подобным образом, меня бросает в дрожь от таких манер.

Она раздраженно повернулась к окну и стала задумчиво перебирать листья герани в керамическом горшке местного мастера.

— Ты молод и неопытен, Франсуа, тем более в бизнесе. Будь осторожен, посулы ничего не значат, пока ты не будешь держать в руках чековую книжку с обещанной суммой. Я все же кое в чем разбираюсь, наслушалась от твоего дяди историй финансовых крахов вот в этой самой кухне.

— Ну что вы, тетушка! — воскликнул Франсуа, подойдя к мадам Женевьеве и нежно прикоснувшись рукой к ее седым, завитым по старой моде волосам. — Все основывается на моем интеллекте и находчивости, изворотливости и гибкости, если хотите. Я никого не собираюсь обманывать и надеюсь, что этого не будет делать и кто-то другой.

Мадам Женевьева вздохнула и сказала:

— В таком случае я советую тебе сразу же переговорить с хорошим адвокатом и доверить ему подписание контракта.

— А никакого контракта нет и в помине, — засмеялся Франсуа. — У нас все строится на доверии.

— Это, милый племянник, совсем плохо, — сказала мудрая тетушка и, чтобы сгладить ощущение напряженности от их разговора, который, по правде говоря, ее сильно озаботил, предложила пойти посмотреть комнату, в которой Франсуа будет жить и работать.

— Но к этому разговору мы еще вернемся, — заявила она. — И прошу тебя, не совершай необдуманных поступков, не посоветовавшись со мной.

Франсуа вздохнул, поняв, что сделал глупость, откровенно поделившись своими планами с отставшей от жизни престарелой теткой. К тому же он помнил о том, что тетушка была категорически против финансовых авантюр, поскольку в жизни видела нужду, о чем часто любила вспоминать.

Они поднялись по крепкой скрипучей лестнице на второй этаж. С этой лестницей у Франсуа было связано много воспоминаний о шишках, ссадинах и даже об одном переломе, так как он, по словам тетки, в детстве был очень подвижным.

— Вот твоя комната, Франсуа, — сказала мадам Женевьева, пропуская племянника вперед. — Та самая, в которой ты провел все свое детство, отрочество и раннюю юность. Как видишь, в ней мало что изменилось.

Франсуа прошелся по комнате.

— Ничего не изменилось! Так мило!

Мадам Лаке залилась счастливым смехом.

— Я постаралась сделать комнату как можно более уютной, чтобы тебе было приятно проводить здесь время. Но не настолько приятно, чтобы ты лишал меня своего общества.

Франсуа упал на пышные перины кровати и, закрыв глаза, перенесся в детство, когда он, маленький мальчик, засыпал в этой мягкой постели, мечтая о ярком и счастливом будущем. И вот теперь он взрослый, но яркого и счастливого будущего хочется все так же, и он не знает, когда оно явится ему во всей своей красе.

Франсуа хмыкнул. Пожалуй, он немного приукрасил положение своих дел, рассказывая о них тетушке на кухне. Что на него нашло? Расслабился под действием вкусной и сытной еды?

Мадам Женевьева на цыпочках вышла из комнаты, полагая, что племянник задремал. Но Франсуа не спал, он думал.

Конечно, его положение в Сорбонне было весьма шатким. Это в провинции кажется, что если ты работаешь в парижском университете, известном во всем мире, то можешь себе позволить все или почти все. Как рассказать тетушке, которая считает его самым талантливым, самым способным, что на самом деле одной заработной

платы недостаточно, чтобы он мог удовлетворять свои потребности? Иногда ее едва хватало на приличную еду, поскольку почти все средства шли на аренду жилья и оплату труда прачки.

Да, работа ученого сейчас не в особом почете. Бегать же дополнительно по урокам и заниматься репетиторством он не имеет никакого желания. Это значит всегда бегом, всегда в мокрых ботинках и почти всегда на пустой желудок. Он занялся серьезным научным исследованием, которым сразу же заинтересовался сам мсье Дюлок. Одному Богу известно, как этот финансовый гуру разузнал об исследованиях Франсуа в университетской лаборатории, похожей на сарай. Об этом, кстати, следует на досуге поразмышлять.

То, что мсье Дюлок предложил Франсуа для начала, повергло того в шок. Он хотел заплатить за научные исследования Франсуа в сфере биологии и медицины, но при условии, что все результаты этих исследований автоматически сразу же становятся собственностью фармацевтической компании «Дюлок и Дюлок». Предложил очень выгодные условия при совместном внедрении разработок. И это притом, что Франсуа только начал разрабатывать тему гуморальной регуляции и действия гормонов на организм человека. Правда, мсье Дюлок сразу же поставил условие, что направление исследований придется немного изменить, но не кардинально. Это он прибавил после протестующего жеста Франсуа, который слушал разглагольствования мсье Дюлока в его роскошном кабинете на Елисейских полях.

Кабинет этот резко контрастировал с тем, что видел в жизни сам Франсуа Тарпи, хотя назвать его бедным человеком никому не пришло бы в голову. Франсуа стало обидно, когда он вспомнил, как секретарша мсье Дюлока презрительно оглядела его с головы до ног, прежде чем уведомить патрона о приходе мсье Тарпи.

Франсуа всегда весьма щепетильно относился к знакомствам с представителями высших сословий и буржуа, поэтому нарядился в свой лучший темно-синий костюм, тщательно подобрал рубашку и галстук, навел с помощью бархотки блеск на туфли и специально приехал на такси, чтобы его облик остался первозданно аккуратным. Тетушкины уроки не пропали даром.

Однако секретарша, маленькая смазливенькая обезьянка, позволила себе нечто, обидевшее и насторожившее Франсуа. И сейчас он

в очередной раз с содроганием вспомнил ее язвительный взгляд, направленный на его ноги: все было почти безукоризненно, но поношенные, хоть и чистые, туфли его выдали. Невозможно держать весь гардероб наготове в ожидании того, что тебя неожиданно пригласит на кофе знаменитый фармацевт-миллионер.

«Гадюка, — подумал Франсуа о секретарше. — Посмотрим, как ты меня встретишь, когда я подъеду к конторе на роскошном авто и в одежде от лучших парижских портных».

— Хотя не это должно меня сейчас занимать, — произнес Франсуа вслух и повернулся на бок, так как ему показалось, что в комнате еще кто-то есть.

Он не ошибся. На пороге стояла служанка Дениз с подносом в руках и с любопытством смотрела на Франсуа. Он увидел, что ее юбка, явно по случаю визита в его комнату, стала еще короче.

— Интересно, а что вас должно сейчас занимать? — хихикнула она, поставив поднос на столик и по-крестьянски прикрыв рот ладошкой.

Франсуа несколько не смутился, а наоборот, обрадовался, поскольку Дениз понравилась ему при первой встрече. Девушка это поняла и подала знаки, понятные только мужчине, которому они предназначены: итак, она уже была готова на все. Или почти на все.

Удивительнее всего, что даже если при таком немом диалоге присутствуют посторонние, они ничего не замечают. Как не заметила сигналов, подаваемых Дениз, этой ее «готовности номер один», мадам Женевьева.

— Хочешь знать, милашка, что меня сейчас должно занимать? — засмеялся Франсуа и, кубарем скатившись с кровати, подлетел к Дениз. — Я тебе отвечу. Например, меня должно занимать, почему твоя юбочка за последние полтора часа укоротилась на десять сантиметров? Почему ты без разрешения зашла в комнату хозяина и наблюдала за мной? То есть меня должен занимать вопрос: а чего ты хочешь?

Дениз неторопливо поправила на пышной груди булавку, которой закалывала передник, проведя после этого руками по талии и бедрам, а затем, прикоснувшись коготком указательного пальца к своим ослепительно белым, но мелковатым зубкам, улыбнувшись, уверенно сказала:

— Того же, что и ты!

Франсуа рассмеялся, но жар желания уже отравил его быструю и горячую кровь.

— Ах ты маленькая дрянь! Только хозяин на порог, а ты уже рядом с его постелью и предлагаешь свои услуги. Воистину чудовищные нравы в провинции! Это из-за всеобщей бедности или именно твоей порочности? Вот достойная тема для исследования психоаналитика! В Париже проститутки более сдержанны, чем горничная старой святоши в провинциальной Нормандии!

Он крепко схватил Дениз за руку повыше локтя и притянул к себе. Его обдало специфичным запахом здорового цветущего женского тела, однако это же его и оттолкнуло, ослабив желание. Парижские женщины мылись тщательнее.

Ноздри Франсуа дрожали, втягивая новый для него запах, который ему не нравился, но вызывал любопытство, как у человека, интересующегося всеми явлениями жизни. Местная девица легкого поведения — это тоже явление жизни, хотя изучать его Франсуа расхотелось. Опять сказались тетушкины уроки чистоплотности.

Он отпустил Дениз, удивленно смотревшую на этого мужчину, которому еще минуту назад она нужна была позарез для удовлетворения его желания. Девушка не понимала, что случилось. Любой житель Понтабери мужского пола (так она считала) многое отдал бы, чтобы прижимать к себе Дениз где-то в потайном местечке, ничего не заплатив при этом и ничем не рискуя.

Она фыркнула, и достаточно выразительно для того, чтобы вывести Франсуа из состояния транса.

— Вы, мсье, всегда так непоследовательны? — спросила она, поворачиваясь к зеркалу и краем глаза наблюдая за собеседником.

— Это не вашего ума дело, мадемуазель, — ответил Франсуа.

Слово «мадемуазель» резануло слух не только самому Франсуа, но и Дениз, к которой никогда не обращались подобным образом, ибо вся ее жизнь была наполнена делами, не позволявшими жителям Понтабери называть ее «мадемуазель». Поэтому вполне вежливое обращение было воспринято ею как оскорбление.

— Хам! — сказала она и, хлопнув дверью, выскочила из комнаты, как будто ее окропили святой водой.

Франсуа вышел вслед за ней на лестницу и наблюдал за тем, как разозлившаяся Дениз спускалась по начищенным воском ступеням

и на ходу распускала наметку на юбке, возвращая ей прежнюю, более пристойную длину.

— Мадемуазель, вы порвете свою юбку прямо на себе! — крикнул ей вслед Франсуа. — Не говорите потом, что это сделал я!

Происшедшее его взволновало, и он решил спуститься в сад, чтобы немного успокоиться. «Ничего себе — приехал работать! — подумал он, меняя пиджак на простую рабочую куртку. — Служанка одним взглядом почти довела до экстаза, еще и получил словесную оплеуху от нее же!»

Он еще не решил, что делать с Дениз и докладывать ли тетушке о происшедшем. Она непременно уволит эту пышку с сексуальным азартом тигрицы, а Франсуа не хотел оставлять без средств к существованию мать Дениз — Альбертину, от которой он видел в детстве только добро. Достоянная женщина. Надо же, и такая дочь!

Он вышел в сад и стал мерить шагами белые каменные дорожки, обдумывая стратегию своей будущей работы. В Париже все казалось таким ясным и понятным, а тут, в этой провинциальной тиши, его вдруг охватили сомнения в правильности сделанного выбора. Да, ему, молодому и неизвестному ученому, сделали выгодное предложение. И кто! Сам мсье Дюлок! Империя Дюлок! Дух захватывает, когда думаешь, что можешь быть к ней хоть немного причастен! Сеть фармацевтических фабрик по всей Франции. Тонны медикаментов и косметической продукции в аптеках. Торговые связи и сотрудничество с известнейшими в мире компаниями. И рядом со всем этим великолепием — он, Франсуа Тарпи, маленький нормандец со своей еще совсем неразвитой научной идеей. Разве неразвитой? Мелким летящим неразборчивым почерком исписаны несколько пачек бумаги, проведены сотни опытов, он не видит еще света в конце, но чувствует, что истина где-то рядом. Совсем близко. Надо только направить яркий луч фонарика в нужном направлении, и истина обнаружится.

Франсуа представил себе, как он с фонариком стоит на темной дороге, какой ему всегда представлялась научная стезя, и, поворачиваясь, высвечивает все неровности и трещинки на ее поверхности. Кажется, повернись еще на пять градусов, и вот оно — открытие!

Но вдруг озноб прошиб его. Лоб, подмышки и впадина хребта покрылись потом. Он вдруг представил, что пользуется фонарем меньшей, чем нужно, мощности. А истина остается за кругом света! И он, Франсуа, в надежде разбогатеть на открытии, будет крутиться вокруг своей оси до бесконечности, но так и не продвинется в решении научной загадки.

Он так ясно представил себе это, что ужаснулся и ощутил боль в висках и что судорогой свело щеку. К тому же он почувствовал, что от страха от него запахло потом, и весьма ощутимо.

«Нужно пойти принять душ, — подумал Франсуа. — Терпеть не могу, когда воняет из подмышек!»

Уже моясь в летнем душе теплой, нагретой щедрым летним солнцем водой, он подумал о том, какую важную и тайную роль в регуляции нашего физического состояния играют эмоции. Стоял в прекрасном саду прекрасный молодой человек. Как громом ударила ему в голову дурная мысль и в секунду превратила этого Орфея в вонючую гниду. Надо будет над этим подумать. Может быть, как-то применить это в разработке темы, связать эмоции и регуляцию состояний телесности?

Хотя стоит ли разбрасываться, ведь его патрон, мсье Дюлок, изменил тематику исследования? Сначала Франсуа показалось, что этот сдвиг минимален и не принесет ущерба его научным интересам. Но вскоре он понял, что все придется начинать сначала. Или почти сначала.

Это напомнило ему, как в детстве тетушка со своей постоянной помощницей Альбертиной распарывала дядюшкин старый костюм, чтобы сшить ему, Франсуа, обновку. «Перекраивать старье в сто раз тяжелее, чем шить из новой ткани!» — так говорила Альбертина, пытаясь разложить на выстиранной ткани распоротого костюма выкройки, которые увеличивались два раза в год из-за менявшихся пропорций тела растущего Франсуа.

Так и его исследование. Приходится перекраивать из старья, вместо того чтобы делать новое.

«Ладно, — подумал Франсуа, растирая вафельным полотенцем свое белое, не тронутое загаром тело. — Поживу здесь месяц-другой, отдохну, а там видно будет».

Конкретных сроков ему не определили, деньги на исследования обещали дать только после того, как комиссии из ведущих

фармацевтов мсье Дюлока будут официально представлены первые результаты. Поэтому впервые за многие годы Франсуа почувствовал себя совершенно свободным. Это было новое чувство, которое приятно его удивило. Оно распирало изнутри, щекотало нервы и успокаивало одновременно.

Выходя из душевой кабины, Франсуа оделся не по правилам Парижа, а уже примеряясь к правилам провинции и своего собственного дома, сада, лета: на нем были только брюки, которые он закатал выше лодыжек, и полотенце, которое он повесил на шею. Рубашку, пиджак, туфли с засунутыми в них носками он нес в руках. Волосы его, от природы курчавые, побывав под струями воды, завились кольцами, в русой бороде и аккуратно подстриженных усах застряли капли, которые блестели на солнце.

Франсуа увидел, как в окне на втором этаже дернулась занавеска и мелькнуло синее платье. Дениз наблюдала за ним исподтишка. Она явно решила не оставлять его в покое. Тетушка стояла возле клумбы с левкоями, которая была обложена белыми гладкими камнями, и одобрительно ему улыбалась. В этой улыбке было все: гордость, умиление, восхищение его мужской красотой, поклонение его силе и таланту.

Что ж, ему это нравилось. Да он и сам себе нравился здесь, в своем родном доме, где чувствовал себя полноправным хозяином.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ